

Когда Ворон нашёл А-Яня, тот не только лежал в свинарнике, но и обнимал маленького поросёнка. Поросёнок спал спокойно и даже время от времени прижимался к нему.

Ворон был крепким парнем, и после поисков он уже протрезвел. Хотя он был не в восторге, он всё же вытащил вонючего А-Яня и бросил его в бочку с водой.

Раздевание прошло без проблем, ведь А-Янь спал крепче, чем поросёнок, и, открывая глаза, не сопротивлялся.

Полагая, что горячая ванна поможет ему протрезветь, Ворон налил горячей воды, но алкоголь только усилил опьянение А-Яня.

— Хорошо, что я перенёс бочку во двор. Ты бы видел его вчера вечером. Он, голый, всё пытался вылезти. Лезут плохо, два шага вперёд, потом скользят назад. Падают на задницу, ругаются, предупреждают меня, чтобы я их не трогал, а потом снова лезут.

— Я просто не понимаю, почему чужаки так беспокойны, когда моются, — Ворон отрубил кусок бамбука, опёрся на него и продолжил идти в горы с А-Да.

Но как бы то ни было, после нескольких попыток А-Янь устал, и Ворон наконец смог его вымыть, взвалить на плечи и отнести в дом.

Ворон думал, что теперь уж точно сделает своё дело, хотя он всё ещё считал, что этот парень не слишком ему по вкусу. Но раз уж А-Да устроил ему это свидание, то надо было довести дело до конца.

Но едва он разделся и залез на кровать, как парень открыл глаза.

— Чёрт, напугал меня. Представь, ты просыпаешься, и перед тобой такая штука. Я был довольно спокоен, просто отодвинулся. Если бы это было несколько лет назад, я бы сорвал этот гриб! — А-Янь дрожал, куря вторую сигарету, которую дал ему брат Цун.

Его реакция показала, что это зрелище действительно его напугало, и он всё ещё был взволнован, когда рассказывал об этом, резко втягивая воздух носом.

Но разве Ворон позволил бы ему убежать? Конечно, нет.

Хотя А-Янь и не был прикован, Ворон одной рукой мог его удерживать. Ворон подумал, что если он уже разделся, то будет нелепо отпустить его.

Поэтому он перевернул А-Яня на спину, прижал плечи, раздвинул ноги и решил довести дело до конца.

— Как режут свинью, чёрт возьми, правда, как режут свинью. Ты слышал, как он кричал? Думаю, он разбудил пол-Кушаня, — Ворон с досадой провёл рукой по глазам, вчерашний опыт тоже сильно его потряс.

А-Янь, чёрт его знает, что с ним случилось, но как только тот коснулся его бедра, он начал орать как сумасшедший.

Возможно, алкоголь открыл его энергетические каналы, и хотя его попытки сопротивляться не помогали, он так дико орал и пинал, что в конце концов ударил Ворона чем-то, и тот с криком упал с кровати.

Ворон покатился к краю кровати, ругаясь, и его ярость только усилилась. Но едва он поднялся с пола, как А-Янь повернулся к нему.

— Ну, а потом я вырвал, — с сожалением сказал А-Янь. — Я не специально, я много съел, много выпил, и так резко двигался, так что это было... нормально.

— Он вырвал мне на лицо, чёрт возьми, — сказал Ворон, как будто до сих пор чувствовал на своём лице частицы и посторонние предметы, и снова провёл рукой по лбу. — А-Да, этот парень настоящая головная боль. Я знаю, ты хотел как лучше, но его реакция была... странной.

А-Да посмотрел на Ворона, увидел, что у него один глаз опух, и указал на него, спросив, как это случилось.

— Ну, я его вырвал, и он должен был отойти, потому что я собирался вырвать снова, — невинно сказал А-Янь.

— Он пнул меня. По его словам, он хотел, чтобы я отошёл, чтобы я не получил второй раз на голову, — печально сказал Ворон.

А-Да глубоко вдохнул и кивнул.

Он прищурился, глядя на Ворона, и крепко обнял его.

— Ты хорошо поработал, — серьёзно сказал А-Да.

Брат Цун, услышав рассказ А-Яня, тоже задумался.

Он понял, что А-Да и Ворон взяли их не потому, что они красивые. Хотя они были белее, нежнее и выглядели более незащищёнными, но с такими, как А-Янь, который «в ярости бьёт даже себя», Ворон не стал обнажать оружие, а просто пару раз пнул его по заднице — это было своего рода уступкой.

И чтобы понять, почему они получили такое обращение, брат Цун решил спросить у одного человека, которого он не любил, но был вынужден встретить — его двоюродного брата Фазана.

Брат Цун нашёл Фазана после обеда. Когда с него сняли цепи, он мог свободно гулять по деревне.

Жители деревни Ситоу жили довольно компактно, и найти молодого человека, чтобы спросить, где живёт Фазан, было нетрудно.

Хотя большинство из них не говорило на общем языке, брат Цун использовал свой неуверенный диалект Кушань и жесты, чтобы в итоге узнать, где живёт его двоюродный брат.

Фазан жил дальше всех, почти на окраине деревни, за несколькими рыбными прудами. Чтобы добраться до него, нужно было пройти по узкому мосту и через небольшой лес.

А-Янь хотел пойти с ним, но охранники не разрешили.

Два человека не могли действовать вместе, это увеличивало риск побега. К тому же брат Цун не мог уйти из поля зрения, поэтому с ним отправили молодого человека, чтобы сопровождать его до Фазана.

Брат Цун и молодой человек шли молча. Брат Цун пытался заговорить, но не понимал, что тот

отвечает, и после нескольких бессмысленных фраз просто замолчал.

Идя по узкому мосту, брат Цун чувствовал себя немного подавленным.

С моста можно было увидеть угол деревни Ситоу. Зелень деревьев придавала этому месту первобытную красоту.

С обеих сторон моста были крутые горы и река, а также густые леса. Шум воды и время от времени раздававшиеся крики неизвестных зверей переплетались, создавая многоголосое эхо в долине.

Хотя это был засушливый сезон, и большая часть камней была видна на дне реки, можно было разглядеть, что вода обычно доходила до середины больших валунов, но течение всё ещё было быстрым.

Вода заставляла деревянный мост слегка дрожать, а холодный ветер пронизывал идущих, свистя в горах, заставляя брата Цуна дрожать.

Он думал, что если бы его оставили здесь одного, он бы вряд ли нашёл выход.

Пройдя мост и ступив на тропинку, вскоре он увидел одинокий дом.

Фазан сидел у входа, куря водяную трубку, но трубка была сделана довольно примитивно, с использованием пластиковой бутылки вместо традиционного сосуда.

Возможно, она использовалась давно, и бутылка уже деформировалась и потемнела.

Рядом с ним стояла женщина, сушившая бельё, вероятно, его жена. Увидев брата Цуна, она улыбнулась и похлопала мужа по плечу.

Фазан поднял голову, но вместо улыбки, как у его жены, он испуганно опустил трубку и отправил жену в дом.

Молодой человек, сопровождавший брата Цуна, увидев, что его доставили, не стал задерживаться. Он поговорил с Фазаном на местном диалекте, взял трубку и ушёл в лес.

Как только молодой человек ушёл, Фазан сразу же понизил голос и зашипел:

— Ты с ума сошёл? Не приходи ко мне домой!

— Не паникуй, ты же тоже чужак, так что поговорить с тобой — ничего странного. Не пугай себя сам, — сказал брат Цун, оглядываясь и спрашивая, есть ли у него ещё трубка, чтобы попробовать.

Фазан раздражённо сказал, что нет, и повёл брата Цуна в задний двор. Там он достал ещё одну трубку, наладил её и передал ему.

— Говори быстрее, — осторожно взглянув на дом, чтобы убедиться, что жена ушла, Фазан раздражённо подгонял брата Цуна. — Не создавай мне проблем.

— Я не создаю проблем, — холодно заявил брат Цун. — Я просто хочу понять.

Он взял трубку, понюхал её, поднёс ко рту и сделал глубокий вдох.

Видимо, он вдохнул слишком сильно и неосторожно, и густой медовый аромат смешался с дымом, заставив его закашляться так сильно, что казалось, лёгкие вот-вот вылетят.

<http://bllate.org/book/16300/1470141>